

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-640-644

БАРАНОВ Даниил Александрович,
Старший преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ПОНЯТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИМЕНИМОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового понимания понятия цифровизация в сфере высшего образования и его нормативной применимости в российском праве. Показано, что цифровизация не получила самостоятельного легального определения, однако фактически используется как обобщающее обозначение процессов внедрения информационных технологий, электронных сервисов и дистанционных форм в образовательную деятельность. Вместе с тем такая терминологическая широта порождает неопределенность в разграничении цифровизации, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и цифровой трансформации, что осложняет выработку единых требований к правовому регулированию.

На основе анализа Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», законодательства об информации и персональных данных, а также подзаконных и стратегических актов обосновывается вывод о том, что правовая применимость цифровизации возможна лишь как производная от конкретных нормативных конструкций. Особое внимание уделено соотношению цифровизации с правом на образование, автономией образовательной организации, защитой персональных данных, цифровой доступностью и безопасностью информационной инфраструктуры. Сформулирован вывод о том, что цифровизация в сфере высшего образования допустима только при соблюдении минимальных стандартов доступности, предсказуемости, безопасности и недискриминационного доступа к образовательным ресурсам.

Ключевые слова: цифровизация, высшее образование, правовое понимание, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, цифровая трансформация, правовая применимость, цифровая доступность, персональные данные.

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PROBLEMATIC OF THE LEGAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF DIGITALIZATION IN HIGHER EDUCATION AND THE LIMITS OF ITS LEGAL APPLICABILITY

Annotation. This article examines the legal understanding of the concept of digitalization in higher education and its regulatory applicability in Russian law. It is shown that digitalization has not received an independent legal definition; however, it is effectively used as a general term for the implementation of information technology, electronic services, and distance learning in educational activities. However, this broad terminology creates uncertainty in the distinctions between digitalization, e-learning, distance learning technologies, and digital transformation, complicating the development of uniform legal requirements. Based on an analysis of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On Education in the Russian Federation," legislation on information and personal data, as well as bylaws and strategic acts, the author concludes that the legal applicability of digitalization is possible only as a derivative of specific regulatory frameworks. Particular attention is paid to the relationship between digitalization and the right to education, the autonomy of educa-

tional institutions, the protection of personal data, digital accessibility, and the security of information infrastructure. The author concludes that digitalization in higher education is permissible only if minimum standards of accessibility, predictability, security, and non-discriminatory access to educational resources are met.

Key words: *digitalization, higher education, legal understanding, e-learning, distance learning technologies, digital transformation, legal applicability, digital accessibility, personal data.*

Введение

Проблема правового понимания понятия цифровизация в сфере высшего образования обусловлена отсутствием его закрепления в качестве самостоятельной юридической категории при одновременном широком использовании в нормативной и научной риторике. Законодатель оперирует прежде всего конкретными правовыми конструкциями, такими как электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, тогда как цифровизация выступает в качестве обобщающего понятия, охватывающего различные формы внедрения информационных технологий в образовательный процесс.

В правовом смысле важно разграничить цифровизацию как технологическое явление и как категорию, способную порождать юридические последствия. В сфере высшего образования это разграничение приобретает особое значение, поскольку цифровые формы обучения непосредственно затрагивают реализацию конституционного права на образование, порядок организации образовательного процесса, права и обязанности обучающихся и образовательных организаций, а также вопросы защиты информации и персональных данных.

Понятийная неопределенность цифровизации в образовательном праве

Действующее законодательство не содержит легального определения цифровизации в сфере образования. Федеральный закон № 273-ФЗ закрепляет иные категории, такие как образование, обучение, электронное обучение и дистанционные образовательные технологии [2]. Это свидетельствует о том, что цифровизация не выступает самостоятельным объектом правового регулирования, а реализуется через конкретные институты образовательного права.

Отсутствие единого определения приводит к тому, что термин «цифровизация» используется как собирательный и нередко охватывает различные по своей правовой природе явления: от электронного документооборота до использования цифровых образовательных платформ и алгоритмических систем [11]. Такая неопределенность снижает уровень правовой определенности и затрудняет формирование единых стандартов регулирования.

Правовая применимость цифровизации раскрывается через нормы, регулирующие использо-

вание электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет возможность применения информационно-телекоммуникационных технологий при реализации образовательных программ [2].

Автономия образовательной организации, закрепленная в статьях 28 и 30 указанного закона, позволяет вузам самостоятельно определять формы и способы использования цифровых технологий [2]. Однако такая автономия ограничена требованиями обеспечения качества образования, соблюдения прав обучающихся и выполнения обязательных федеральных стандартов [8].

Подзаконное регулирование, в частности Постановление Правительства Российской Федерации № 1678, конкретизирует порядок применения электронного обучения и дистанционных технологий, однако сохраняет рамочный характер, не устанавливая исчерпывающих требований к уровню цифровой инфраструктуры и доступности образовательной среды [5].

Цифровизация должна оцениваться через призму конституционного права на образование, закрепленного в статье 43 Конституции Российской Федерации [1]. Реализация данного права предполагает не только формальную возможность обучения, но и фактическую доступность образовательных ресурсов.

Использование цифровых технологий может как расширять доступ к образованию, так и создавать новые барьеры, связанные с техническими, социальными или физиологическими факторами [7; 12]. В этой связи правомерность цифровизации определяется не самим фактом внедрения технологий, а тем, обеспечивает ли она равные условия доступа для всех обучающихся.

Защита персональных данных и безопасность цифровой среды

Цифровизация образовательного процесса сопровождается увеличением объемов обрабатываемых данных, что требует строгого соблюдения законодательства об информации и персональных данных [3; 4]. Образовательные организации обязаны обеспечивать безопасность хранения, обработки и передачи данных, а также предотвращать несанкционированный доступ к ним.

Правовая модель цифровизации должна учитывать не только функциональные возможно-

сти технологий, но и требования к их безопасному использованию [8]. Недостаточная защита цифровой инфраструктуры может привести к нарушению прав обучающихся и снижению доверия к образовательной системе.

Современная цифровизация высшего образования тесно связана с использованием образовательных платформ, которые становятся ключевым инструментом организации учебного процесса [11]. Вместе с тем их правовой статус требует дополнительного осмысления, поскольку через них реализуются основные элементы образовательных отношений.

Алгоритмизация образовательного процесса не должна подменять педагогическое и юридическое решение. Применение цифровых инструментов допустимо лишь при условии сохранения контроля со стороны преподавателя и обеспечения прозрачности процедур оценки знаний [9; 11].

Совершенствование правового регулирования цифровизации должно быть направлено на конкретизацию обязательных требований к ее применению. В частности, целесообразно закрепить минимальные стандарты цифровой доступности, включая требования к технической устойчивости платформ, альтернативным формам участия и адаптации образовательных материалов.

Кроме того, необходимо уточнить требования к защите персональных данных и безопасности цифровой инфраструктуры, а также обеспечить согласование федерального, подзаконного и локального регулирования. Цифровизация должна рассматриваться как средство повышения качества образования, а не как самостоятельная цель.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация в сфере высшего образования представляет собой не просто технологическое или организационное явление, а сложный правовой феномен, затрагивающий базовые элементы механизма реализации права на образование. В действующем российском законодательстве цифровизация не закреплена в качестве самостоятельной легальной категории, однако ее содержательное присутствие прослеживается через нормы об электронном обучении, дистанционных образовательных технологиях, информационной безопасности, защите персональных данных, локальном нормотворчестве образовательных организаций и стратегических документах в сфере цифровой трансформации. Это означает, что правовая действительность уже фактически оперирует цифровизацией, но делает это не напрямую, а через совокупность смежных юридических конструкций.

Такой подход имеет как достоинства, так и очевидные ограничения. С одной стороны, отсутствие жестко зафиксированного легального определения позволяет сохранять технологическую гибкость и не связывать правовое регулирование с конкретными быстро устаревающими цифровыми решениями. Это особенно важно для сферы высшего образования, где цифровые инструменты, платформы и сервисы развиваются значительно быстрее, чем обновляется нормативная база. С другой стороны, именно эта гибкость порождает правовую неопределенность: универсальность термина «цифровизация» создает иллюзию нормативной завершенности там, где на самом деле сохраняется дефицит конкретных обязанностей, гарантий и стандартов. В результате образовательные организации получают значительный объем усмотрения, который может использоваться как для эффективной организации учебного процесса, так и для необоснованного переноса рисков цифровой среды на обучающихся.

Особую значимость имеет то обстоятельство, что цифровизация в высшем образовании непосредственно связана с конституционным правом на образование. Реализация этого права в цифровой среде требует не только формальной возможности подключения к электронной информационно-образовательной платформе, но и фактической доступности соответствующих ресурсов для всех категорий обучающихся. Если цифровые технологии используются без учета территориальных, социальных, технических и физиологических различий, то цифровизация перестает быть средством расширения образовательных возможностей и превращается в фактор их неравного распределения. Следовательно, с правовой точки зрения цифровизация допустима лишь в той мере, в какой она не снижает уровень гарантированности права на образование и не создает скрытых барьеров для его реализации.

Не менее важным является вопрос о соотношении цифровизации и автономии образовательной организации. Законодательство об образовании действительно предоставляет вузу значительное пространство для самостоятельного определения форм, средств и способов реализации образовательных программ. Однако автономия не может пониматься как абсолютная свобода в выборе цифровых инструментов без учета обязательных федеральных требований. Напротив, автономия в цифровой сфере приобретает легитимный характер только тогда, когда она соединяется с принципами правовой определенности, соразмерности, предсказуемости и недискриминационного доступа. Университет вправе выбирать платформу, формат взаимодействия, методы

промежуточной аттестации и способы организации дистанционного сопровождения, но он не вправе снижать качество образовательного процесса или перекладывать на обучающегося последствия недостатков цифровой инфраструктуры.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовом режиме данных, обрабатываемых в процессе цифровизации. Высшая школа в цифровой среде функционирует как интенсивный оператор больших массивов информации, включая персональные данные, сведения об успеваемости, материалы учебной деятельности, записи занятий, цифровые следы пользователей и иные сведения, имеющие правовое значение. Это означает, что цифровизация неизбежно сопряжена с повышенными требованиями к защите информации, организации доступа, резервированию, мониторингу угроз и предотвращению несанкционированного вмешательства. При отсутствии надежного правового и организационного режима обработки данных цифровизация начинает создавать новые риски для прав студентов и преподавателей, а также для устойчивости образовательной системы в целом. Следовательно, безопасность цифровой среды должна рассматриваться не как техническое дополнение, а как обязательная правовая характеристика допустимой модели цифрового образования.

Существенным направлением анализа является и проблема цифровых образовательных платформ. Современный университет все в большей степени функционирует через платформенные решения, которые становятся не просто вспомогательным инструментом, а фактической инфраструктурой учебного процесса. Однако правовой статус такой инфраструктуры пока остается недостаточно определенным. Платформа одновременно выполняет функции канала доступа к материалам, средства связи, инструмента контроля и механизма фиксации образовательных результатов. Именно поэтому цифровая платформа не может восприниматься лишь как нейтральное техническое решение. Она должна быть встроена в правовую систему таким образом, чтобы обеспечивать прозрачность процедур, проверяемость действий участников образовательных отношений и возможность последующего контроля за соблюдением прав обучающихся.

В этом контексте особое значение приобретает и вопрос алгоритмизации образовательного процесса. Использование автоматизированных систем оценки, рекомендательных механизмов, цифровых журналов и иных интеллектуальных инструментов повышает управляемость образовательной среды, но одновременно усиливает риск формализации педагогических решений.

Если цифровая система начинает выполнять функции, которые по своей природе требуют человеческого усмотрения, оценки и ответственности, то возникает опасность подмены образовательного содержания техническим результатом. Поэтому дальнейшее развитие правового регулирования должно исходить из необходимости сохранения человеческого контроля над ключевыми академическими и административными решениями. Технология может сопровождать образовательный процесс, но не должна вытеснять из него субъектов, наделенных правовой и педагогической ответственностью.

Таким образом, цифровизация высшего образования не может рассматриваться как нейтральное технологическое явление, существующее вне правовых ограничений. Она оказывает прямое влияние на доступность образования, равенство образовательных возможностей, безопасность данных, качество оценки знаний и устойчивость всей образовательной системы. Именно поэтому правовое регулирование цифровизации должно развиваться не в логике декларативного поощрения технологических инноваций, а в логике последовательного формирования минимальных обязательных стандартов. Эти стандарты должны включать требования к цифровой доступности, технической устойчивости, информационной безопасности, прозрачности платформенных решений и недопустимости ухудшения положения обучающихся вследствие недостатков цифровой среды.

В перспективе представляется необходимым дальнейшее нормативное уточнение положений законодательства об образовании, прежде всего в части цифровой доступности, правового режима платформ и минимальных гарантий безопасности образовательного процесса. При этом важно сохранить баланс между необходимой технологической гибкостью и юридической определенностью. Слишком жесткая регламентация может затормозить развитие цифровых решений, однако чрезмерная расплывчатость создает риски произвольного толкования и неравномерной практики применения. Оптимальная модель заключается в том, чтобы государство закрепляло обязательные рамки, а образовательные организации сохраняли возможность выбирать конкретные технологические инструменты внутри этих рамок.

Следовательно, правовая сущность цифровизации в сфере высшего образования состоит не в простом внедрении электронных средств обучения, а в выстраивании такой нормативной модели, которая одновременно обеспечивает технологическое развитие, защиту прав обучающихся и устойчивость образовательных институтов. Именно в этом заключается основная задача

дальнейшего совершенствования правового регулирования: не препятствовать цифровому развитию, а придать ему юридически устойчивую, социально оправданную и конституционно соразмерную форму.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм. и доп. // Российская газета. — 25.12.1993.
- [2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53. — Ст. 7598.
- [3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.
- [4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451.
- [5] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Официальное опубликование правовых актов. — 12.10.2023. — № 0001202310120031.
- [6] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года» // Официальное опубликование правовых актов. — 07.07.2025. — № 0001202507070072.
- [7] Краснова Г. А., Полушкина А. О. Цифровизация права на образование // Менеджмент образовательных организаций. — 2021. — № 3 (57). — С. 90–99.
- [8] Абдусаламов Р. А. Правовое регулирование использования информационных технологий в сфере высшего образования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 2. — С. 34–41.
- [9] Гучетль И. Н., Манченко Т. В. Цифровая трансформация образования: правовые аспекты // Вестник МГТУ. — 2022. — № 2. — С. 32–39.
- [10] Калегина О. А. Развитие нормативно-правовой базы цифровизации образования // Вестник КГУКИ. — 2024. — № 4. — С. 153–160.
- [11] Данилин Р. Д. Цифровые образовательные платформы: правовой режим // Вестник СГЮА. — 2025. — № 3. — С. 245–252.

- [12] Муравьёва А. А., Олейникова О. Н. Цифровизация высшего образования: направления развития // Философия образования. — 2021. — Т. 21, № 4. — С. 5–18.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: rev. and add. // Rossiyskaya Gazeta. — 25.12.1993.
- [2] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2012. — No 53. - Art. 7598.
- [3] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (part I). - Art. 3448.
- [4] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (part I). - Art. 3451.
- [5] Decree of the Government of the Russian Federation of 11.10.2023 No. 1678 “On approval of the Rules for the application by organizations engaged in educational activities of e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs” // Official publication of legal acts. — 12.10.2023. — No 0001202310120031.
- [6] Order of the Government of the Russian Federation of 05.07.2025 No. 1805-r “On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of science and higher education until 2030” // Official publication of legal acts. — 07.07.2025. — No 0001202507070072.
- [7] Krasnova G. A., Polushkina A. O. Digitalization of the right to education // Management of educational organizations. — 2021. — No 3 (57). - S. 90-99.
- [8] Abdusalamov R. A. Legal regulation of the use of information technologies in the field of higher education // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). — 2023. — No 2. - S. 34-41.
- [9] Guchetl I. N., Manchenko T. V. Digital transformation of education: legal aspects // Bulletin of Moscow State Technical University. — 2022. — No 2. - S. 32-39.
- [10] Kalegina O. A. Development of the regulatory framework for digitalization of education // Bulletin of KGUKI. — 2024. — No 4. - S. 153-160.
- [11] Danilin R. D. Digital educational platforms: legal regime // Bulletin of SSLA. — 2025. — No 3. - S. 245-252.
- [12] Muravyova A. A., Oleinikova O. N. Digitalization of higher education: directions of development // Philosophy of education. — 2021. - T. 21, NO. 4. - S. 5-18.